

М. А. КРОНГАУЗ

ПРИСТАВКИ И ГЛАГОЛЫ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ГРАММАТИКА

STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA

ПРИСТАВКИ И ГЛАГОЛЫ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ГРАММАТИКА

М. А. Кронгауз

ПРИСТАВКИ И ГЛАГОЛЫ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ГРАММАТИКА

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1998

ББК 81.2Р-3
К 83

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)
проект 97-06-87122

Кронгауз М. А.

К 83

Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 288 с., 1 илл.

ISBN 5-7859-0056-4

Монография посвящена русским глагольным приставкам. В ней рассматривается весь комплекс семантических проблем, которые связаны с глагольной префиксацией в русском языке. Одна из основных задач книги состоит в структурировании данной проблемной области. Естественно, что при этом предлагается решение далеко не всех называемых проблем: одни обсуждаются с большей или меньшей степенью подробности, другие лишь упоминаются. Один из центральных вопросов в отношении приставок касается их семантической роли в тексте и прежде всего взаимодействия с глаголом (или глагольной основой), к которому они присоединяются. Этот вопрос рассматривается наиболее подробно.

ББК 81.2Р-3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

III 5-7859-0056-4

9 785785 900561 >

© М. А. Кронгауз, 1998

Содержание

<i>Предисловие</i>	11
<i>Введение</i>	13
0.1. О субъективности в науке	13
0.2. Задачи	14
0.3. Структура	14
<i>Глава 1. Примеры и вопросы</i>	17
1.1. О словах, которых нет	17
1.2. О корнях, которых нет	25
1.3. О противоречии между приставкой и основой	35
1.4. Об одном новом слове	36
1.5. О самостоятельном употреблении приставок	38
1.6. О повторе приставок	40
1.7. О юморе и других эффектах	44
1.8. Существование слова как проблема	46
<i>Экскурс I. Исторический</i>	48
<i>Глава 2. Исследования в области глагольной префиксации:</i> современное положение дел	55
2.1. О предмете рассмотрения	55
2.2. Источники и традиции	56
2.3. Исследования и исследователи в 80—90-е годы и несколько раньше	59
2.4. Основные проблемы и подходы к их решению	64
2.4.1. Предыстория и непопулярные вопросы	64
2.4.2. Метаязык	68

2.4.3. Структура значения. Омонимия и полисемия	74
2.4.4. Приставка и вид	79
2.4.5. Приставка и контекст	84
2.4.6. Словообразование в лингвистических моделях	95
2.5. Перспективы	97
<i>Глава 3. Об объектах, задачах и принципах исследования</i>	99
3.1. Объект исследования	99
3.1.1. Приставки	99
3.1.2. Значения приставок	105
3.2. Четыре направления семантических исследований	109
3.2.1. Область исследования и его цели	109
3.2.2. Семантика приставки	110
3.2.3. Семантика приставочного словообразования	111
3.2.4. Семантика бесприставочного глагола	112
3.2.5. Семантика текста	113
3.3. Основные принципы	114
3.4. Терминологические уточнения и новые термины	115
3.5. Некоторые ответы на некоторые вопросы	116
3.5.1. О принципах выделения значений приставки	116
3.5.2. О метаязыке	119
3.5.3. О структуре значения	120
3.5.4. О виде и способах глагольного действия	121
3.5.4.1. Чистовидовые приставки	121
3.5.4.2. Время и вид	121
3.5.4.3. Способы действия в русском языке	123
3.5.4.4. Способы действия и значения приставок	124
3.5.4.5. Итог	127
3.5.5. О словообразовательных правилах	128
3.5.5.1. Статус правил	128
3.5.5.2. Количество правил	129
<i>Экскурс II. О количестве приставок</i>	131
II.1. Преамбула, или постановка проблемы	131
II.2. История одной приставки	132
II.3. Синхронное описание приставки <i>о-</i> / <i>об-</i> / <i>обо-</i> в лингвистической литературе	133
II.3.1. Одна или две?	133
II.3.2. Ее / их значения	135
II.4. Статистический анализ	140
II.4.1. Исходные данные	140
II.4.2. Графическая сочетаемость вариантов <i>об-</i> и <i>обо-</i>	141
II.4.3. Графическая сочетаемость варианта <i>о-</i>	142
II.5. Несколько глагольных рядов и окончательный вывод	144

Глава 4. Значение приставки как система	149
4.1. Принцип системности	149
4.2. Значение приставки и способы описания	151
4.2.1. Связи между подзначениями	151
4.2.2. Понятийный аппарат	154
4.2.3. Значения и типы глаголов	157
4.3. Приставка <i>pro-</i> : фрагменты описания	159
4.3.1. Выбор фрагментов	159
4.3.2. Пространство и время	160
4.3.3. Движение и деформация	165
4.3.4. Движение и звук	168
4.4. Возвращение к теме	170
Экскурс III. Опыт словарного описания приставки	171
III.1. Изложение мотивов	171
III.2. Приставка <i>om-</i> в лингвистической литературе	171
III.3. Лексикографический объект и устройство словарной статьи	175
III.4. Словарная статья	176
III.4.1. Нарушение контакта	176
III.4.2. Нарушение единства части и целого	177
III.4.3. Конституирование путем выделения	177
III.4.4. Нахождение	178
III.4.5. Отчуждение	178
III.4.6. Незначительное удаление	179
III.4.7. Изменение основного местонахождения или положения	179
III.4.8. Удаление с возможным возвращением	180
III.4.9. Отправление	181
III.4.10. Удаление с поверхности	181
III.4.11. Очищение	182
III.4.12. Усовершенствование	182
III.4.13. Лишение функций	182
III.4.14. Отбытие срока	183
III.4.15. Потеря способности	183
III.4.16. Ответное действие	184
III.4.17. Наказание	185
III.4.18. Ликвидация внутреннего состояния	185
III.4.19. Защита во взаимодействии: <i>om + ся</i>	186
III.4.20. Восстановление функций: <i>om + ся</i>	186
III.4.21. Профессиональные и другие обязанности	187
III.5. Послесловие к словарю	187
Глава 5. Разные приставки, разные миры...	189
5.1. Парадигматические отношения между приставками	189
5.2. Синонимия?	191

5.2.1. Почему синонимия однокоренных глаголов редка	191
5.2.2. Противопоставление рядов: виды порчи	193
5.3. «След»: процедура (приставка <i>про-</i>) и обязанность (приставка <i>от-</i>)	196
5.4. Акт любви с лингвистической точки зрения	198
Глава 6. Приставочная парадигма и семантическая классификация глаголов	203
6.1. Семантические признаки глагола и его сочетаемость с приставками	203
6.2. Приставочная парадигма глагола	206
6.3. Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой	208
6.4. Глаголы речи и звучания: принципы описания и рабочая гипотеза	212
6.5. Классификация глаголов речи и звучания	214
6.5.1. Текст и участники речевой ситуации	214
6.5.2. Словообразовательные модели восьми глагольных приставок	217
6.5.3. Приставка <i>про-</i> и семантическая классификация	226
6.6. Речевые акты, их цель, структура и языковые способы выражения	231
6.6.1. Глаголы лжи, шутки и просто речи	231
6.6.2. <i>Молчать</i> — глагол речи	232
6.7. Подведение итогов: функция приставки, классификация и другие выводы	233
Глава 7. От приставки к тексту	235
7.1. Приставка в словаре и в тексте	235
7.2. Приставка и приставки	239
7.3. Прагматика приставки	241
7.4. Приставка и ее сценарий	242
Экскурс IV. Второй опыт словарного описания приставки	245
IV.1. Нарушение контакта	245
IV.2. Нарушение единства части и целого	245
IV.3. Конституирование путем выделения	246
IV.4. Нахождение	246
IV.5. Отчуждение	247
IV.6. Незначительное удаление	247
IV.7. Изменение основного местонахождения или положения	248
IV.8. Удаление с возможным возвращением	248
IV.9. Отправление	248
IV.10. Удаление с поверхности	249

IV.11. Очищение	249
IV.12. Усовершенствование	249
IV.13. Лишение функций	250
IV.14. Отбытие срока	250
IV.15. Потеря способности	251
IV.16. Ответное действие	251
IV.17. Наказание	252
IV.18. Ликвидация внутреннего состояния	252
IV.19. Защита во взаимодействии: <i>от + ся</i>	252
IV.20. Восстановление функций: <i>от + ся</i>	253
IV.21. Профессиональные и другие обязанности	253
<i>Заключение</i>	255
<i>Словарь-указатель терминов</i>	257
<i>Указатель глаголов и глагольных основ</i>	258
<i>Указатель приставок</i>	274
<i>Литература</i>	276

Предисловие

Впервые заинтересовавшись семантикой глагольных приставок (это произошло в 1979 году, когда я выбрал эту тему для дипломной работы), я не вполне представлял себе объем языкового материала, который предстоит исследовать. Должен сказать, что я и сейчас его не вполне представляю. Но зато мне более или менее ясны границы самой проблемной области и ее внутренняя структура. Это понимание, а также ряд конкретных результатов, полученных в последние годы, стали поводом для написания книги о русских глагольных приставках.

В ее основу легли идеи, изложенные в статьях, опубликованных в течение последних пяти лет (1993, 1994а, 1994б, 1995, 1996а, 1996б, 1997а, 1997б, 1997в). В процессе подготовки книги все они были основательно переработаны, и ни одна из статей не вошла в книгу в своем первоначальном облике. В дальнейшем тексте нет ссылок на упомянутые работы, в том числе и в обзорном разделе (хотя это несколько искажает историческую перспективу).

Я благодарен моим коллегам и гостеприимным хозяевам Дени Пайару (Парижский университет 7) и Вернеру Лефельдту (Университет Георга Аугуста, Геттинген), принимавших меня в своих университетах и создавших мне прекрасные условия для работы. Для меня была важна возможность обсуждать с ними эту проблематику.

В различные периоды исследований мне оказывали финансовую поддержку Международный научный фонд, Maison des Sciences de l'Homme (Франция), INTAS (Брюссель) и непосредственно во время написания книги А. von Humboldt-Stiftung (Германия), за что я им весьма признателен. Я выражаю также благодарность Российскому гуманитарному научному фонду, предоставившему мне издательский грант, и А. Д. Кошелеву, это издание осуществившему.

Наконец, я хочу сказать спасибо М. М. Бурас за постоянную помощь и поддержку.

Введение

0.1. О субъективности в науке

Долгое время я считал, что начну эту книгу несколькими фразами о важности и актуальности изучения морфемной семантики, а затем сделаю утверждение о том, что префиксация семантически сложнее и интереснее суффиксации, что она играет более важную роль в порождении и понимании текста, наконец, что приставки самостоятельнее и значимее суффиксов. Я думал так до тех пор, пока не прочел первый абзац книги Э. Андрус о семантике суффиксов, в котором в частности сообщается:

«Проблема суффиксов и суффиксации сложнее и формально и семантически, чем проблемы префиксов и префиксации, в первую очередь потому что суффиксация в современном литературном русском языке неизбежно поднимает проблему взаимоотношений грамматического и лексического значений, в то время как префиксы и префиксация соотносятся в основе с лексическим значением» (Andrews 1996, i).

И не то, чтобы я сразу отказался от своего мнения и своих пристрастий, но просто как-то сама собой изменилась намеченная структура книги. Захотелось воздержаться (по крайней мере, на некоторое время) от сильных утверждений большой степени общности и начать книгу с главы, состоящей из примеров употреблений приставочных глаголов и приставок с некоторым количеством вопросов и свободным комментарием к ним. Я так и поступил в надежде на то, что примеры сами по себе могут оказаться убедительней, чем любые рассуждения о важности и актуальности темы. Комментарий касается в первую очередь того, каким образом интерпретируются соответствующие примеры, он основывается исключительно на здравом смысле и не претендует ни на какую теоретическую значимость. Собственно же теоретическая часть начинается со второй главы.

0.2. Задачи

Итак, эта книга — о русских глагольных приставках. Если же говорить более конкретно, то она о том комплексе весьма различных семантических проблем, которые связаны с глагольной префиксацией в русском языке. Причем основная цель книги как раз и состоит в структурировании данной проблемной области. Естественно, что при этом предлагается решение далеко не всех называемых проблем: одни обсуждаются с большей или меньшей степенью подробности, другие лишь упоминаются. Один из центральных вопросов в отношении приставок касается их семантической роли в тексте и прежде всего взаимодействия с глаголом (или глагольной основой), к которому они присоединяются. Этот вопрос рассматривается в книге наиболее подробно, отсюда и ее название.

0.3. Структура

В этой книге семь глав, Предисловие, Введение, Заключение, а также словарь-указатель основных терминов и указатели глаголов и глагольных приставок. Кроме того, во вторую, третью, четвертую и седьмую главы включены четыре экскурса, более подробные исследования упомянутых в тексте частных проблем, которые несколько нарушают линейную композицию книги и поэтому вынесены в конец соответствующих глав.

Глава 1 «Примеры и вопросы», как уже сказано, состоит из примеров употреблений приставочных глаголов и приставок с некоторым количеством вопросов и свободным комментарием к ним.

Глава 2 «Исследования в области глагольной префиксации: современное положение дел» представляет собой аналитический обзор современных работ в области глагольной префиксации. В ней выделяются ключевые проблемы приставочного словообразования, и в рамках этих проблем обсуждаются современные подходы. Далее отмечаются новые исследовательские тенденции и сдвиги интересов в рамках этой проблематики, а также предпринимается попытка предсказать дальнейшее развитие этой области русистики и оценить ее перспективы.

Экскурс I «Исторический» посвящен проблеме десемантизации глагольной основы, описанной на примере истории приставочных глаголов *объгорить* и *подкузьмить*.

В главе 3 «Об объектах, задачах и принципах исследования» определяются теоретический и терминологический аппараты, уточняются объекты и методы исследования. Выделяются также четыре исследовательских направления в области префиксации, связанные с четырьмя типами взаимодействия значений: в рамках одной приставки, в рамках всего приставочного словообразования, а также взаимодействие значения глагольной приставки со значением глагола (или

глагольной основы) и взаимодействие значения глагольной приставки с более широким контекстом и даже с ситуативной семантикой и прагматикой.

В экскурсе II «О количестве приставок» подробно рассматривается вопрос о расщеплении приставки *о- / об- / обо-* и составе алломорфов образовавшихся приставок.

Следующие четыре главы содержательно представляют и отчасти реализуют четыре названных выше исследовательских направления. В четвертой и пятой главах рассматриваются парадигматические связи приставки, в шестой и седьмой — синтагматические.

В главе 4 «Значение приставки как система» описывается устройство значения приставки в целом, структура ее подзначений и взаимодействие между ними. Конкретным материалом послужила приставка *про-*. В этой главе также подробно обсуждается понятийный аппарат описания и, в частности, понятие структуры толкования, которое и применяется для описания конкретных подзначений приставки.

В экскурсе III «Опыт словарного описания приставки» предлагается описание приставки *от-*, основанное на принятых в работе теоретических принципах и предназначенное для толкового словаря. Такое лексикографическое приложение теории накладывает определенные требования на форму и содержание описания приставки.

В главе 5 «Разные приставки, разные миры...» проводится сравнение конкретных значений разных приставок. Исследование осуществляется на материале квазисинонимичных или близких по значению глаголов с разными приставками. В этой главе выявляются особенности того, как каждая отдельная приставка концептуализирует ту или иную ситуацию.

В главе 6 «Приставочная парадигма и семантическая классификация глаголов» предметом исследования становятся отношения между приставкой и глаголом (или глагольной основой), к которому она присоединяется. В этой главе выдвигается гипотеза о семантической мотивированности сочетаемости приставок с глаголами, предполагающая, что выбор конкретной приставки и набор значений соответствующего приставочного глагола обусловлен семантикой глагольной основы или, точнее говоря, наличием или отсутствием у нее определенных семантических признаков. Гипотеза имеет важные лингвистические следствия. С ее помощью можно формулировать правила сочетаемости глаголов с той или иной приставкой и правила «вычисления» их значения, а также семантически интерпретировать языковые факты, а именно — существование в языке конкретных приставочных глаголов с определенным значением. Далее вводится понятие приставочной парадигмы и предлагается семантическая классификация глаголов речи и звучания, основанная на интерпретации их приставочных парадигм.

В главе 7 «От приставки к тексту» исследуются и классифицируются типы взаимодействия приставки с другими (кроме глагольной

основы) элементами контекста, а также ситуации. Подробно рассматривается «текстовый потенциал» приставок, в частности способность приставки конституировать текст, представлять происходящее как событие, т. е. смену ситуаций и т. д. Для отражения различных свойств приставки предлагается особый способ ее описания — сценарий. Это понятие вводится как инструмент толкования приставки и проверяется на нескольких примерах. На базе понятия сценария формулируется сценарная гипотеза значения приставок. Кроме того, в экскурсе IV «Второй опыт словарного описания приставки» предлагается лексикографическое описание приставки *от-*, основанное уже на новом теоретическом аппарате — сценарном.

В Заключении подводятся итоги работы.

Словарь-указатель терминов включает основные термины, используемые в работе и относящиеся собственно к области префиксации, и их краткие дефиниции. В словарь включены только те термины, которые определяются или подробно обсуждаются в книге, и в первую очередь те, которые в ней введены или же адаптированы мной к данной проблематике.

Указатели глаголов и приставок в особых комментариях не нуждаются.

Глава 1

ПРИМЕРЫ И ВОПРОСЫ

— Видишь ли, — говорил он, — меня в сущности нет, как ты знаешь. Но нельзя, чтобы это знали другие, а то сам понимаешь, какие пойдут неприятности.

В. Ходасевич, «Муни»

— Заметь, что я все-таки был.

В. Ходасевич, «Муни»

1.1. О словах, которых нет

В этой главе много сомнительного (в смысле существования) языкового материала. Во многих примерах встречаются слова или корни, которых нет в русском языке, во всяком случае если судить об этом по словарям. Правда, некоторые из этих слов не включены в словарь по недосмотру (или чрезмерной консервативности словарей), какие-то, наверняка, будут канонизированы через некоторое время (и включены в новые словари), ну а какие-то слова так никогда и не попадут в словари русского литературного языка. Можно называть их окказионализмами (словами «одноразового употребления»), хотя сам этот термин надо использовать достаточно осторожно. Часто просто невозможно предсказать дальнейшую судьбу слова, поскольку она зависит от множества причин, в том числе не только лингвистических.

Можно, конечно, следовать Е. А. Земской, противопоставившей потенциальные слова и окказионализмы по тому, что первые построены в соответствии с правилами, а вторые, напротив, с их нарушением: «Сферу неузуального словообразования составляют преимущественно два класса слов — потенциальные и окказиональные... Слова потенциальные создаются по наиболее продуктивным типам, заполняя пустые клетки словообразовательных парадигм, т. е. они реализуют действие законов словообразования. Окказиональные слова противостоят обыч-

ным (узуальным) словам. Окказионализмы — нарушители законов (правил) общезыкового словообразования» (Земская 1992, 180; см. также Земская 1973). Но в этом случае, к сожалению, придется признать, что, по существу, никаких «писаных» семантических правил построения приставочных глаголов просто не существует. О правилах же «неписаных», т. е. фактически о критериях, основанных на интуиции носителей языка, говорить можно лишь в бесспорных случаях, когда очевидно, что перед нами «авторские изобретения», которые едва ли когда-нибудь будут воспроизводиться, кроме как в цитатах. С таких бесспорных примеров и имеет смысл начать разговор о приставках, хотя в дальнейшем уже и в этой главе будет приведен весьма неоднородный языковой материал.

Принципиальным при рассмотрении следующих примеров следует, впрочем, считать не то, узуальные это слова или неузуальные, окказиональные или потенциальные, а то, что с очевидной степенью условности предполагается их «абсолютная» новизна. Под этим в данном случае понимается не их недавнее появление в русском языке (в смысле, используемом в словарях новых слов), а принятие допущения, что приставочные глаголы рассматриваются в некий условный момент их «первого» употребления. Зафиксировать такое употребление, если не говорить об уже упомянутых «авторских глаголах», конечно же, невозможно. Но легко можно представить себе ситуацию, когда интересующий исследователя глагол в первый раз услышан в тексте, и далее смоделировать механизмы его восприятия и интерпретации.

Итак, пример первый. Он взят из песни В. Высоцкого «Про реку Вачу и попутчицу Валю» о золотодобытчике, который, отдыхая на Юге, потратил все свои деньги и пишет домой с просьбой прислать еще. В строчках

Рупь последний в Сочи трачу,

Телеграмму накатал:

Шлите денег, отбатрачу,

Я их все прохохотал

встречаются два приставочных глагола, которых нет в словарях русского языка: *отбатрачить* и *прохохотать*. Правда, глагол *прохохотать*, вообще говоря, вполне мог бы попасть в словарь, но только в другом значении — ‘хохотать в течение какого-либо времени’, тем более, что он встречается в реальных текстах: *Они собрались у Валеры с невероятным количеством пива и прохохотали всю ночь* (Ю. Ким). Соответствующее значение приставки *про-* сверхпродуктивно, в этом значении она присоединяется к глаголам несовершенного вида (за небольшим исключением), включая даже вторичные имперфективы (например, *Сколько можно уговаривать этого молодчика? Обед проугуговаривали, ужин проугуговаривали...*, Стругацкие). Естественно, что все подобные глаголы в словарь попасть просто не могут. Как правило,

для включения в словарь отбираются глаголы, отмеченные в художественной литературе, и даже среди них — наиболее частотные. Существенно, однако, что такие глаголы с приставкой *про-* требуют обязательного прямого дополнения, обозначающего отрезок времени. Таким образом, приведенный пример никак не может быть интерпретирован с помощью данного значения глагола *прохохотать*: по крайней мере здесь деньги временем не являются.

Тем не менее, понимание данной фразы в целом и, в частности, использованных в ней двух глаголов особых проблем у носителей русского языка не вызывает. Понимание приставочных глаголов строится по принципу аналогии, а контекст служит своего рода подсказкой. Для глагола *отбатрачить* эта аналогия достаточно поверхностна. В русском языке существует глагол с приставкой *от-* — *отработать*, который имеет подходящее значение ('отдать работой') и сходную сочетаемость: *отработать долг, повинность*. Фактически происходит замена мотивирующего глагола *работать* на семантически близкий к нему глагол *батрачить* с полным сохранением словообразовательной структуры и ее значения. Полученный приставочный глагол отличается от своего прототипа лишь большей экспрессивностью, поскольку и *батрачить* более экспрессивен, чем самый нейтральный глагол с этим значением — *работать*.

В случае с глаголом *прохохотать* ситуация несколько сложнее. Конечно, приходит на ум ряд глаголов типа *пропить, проесть, промотать...* Они также управляют именной группой со значением 'деньги' (или более общо 'ценность, имеющая денежный эквивалент'): *пропить последний грош, проесть отложенные деньги, промотать наследство*, — и означают что-то вроде 'потратить'. Однако для всех них характерно еще и то, что деньги тратятся на определенное действие, названное глагольной основой (можно было бы говорить и о мотивирующем глаголе, хотя для некоторых приставочных глаголов не всегда бесспорно его существование; так, в современном языке из пары *профукать — фукать* используется, по-видимому, только приставочный глагол, да и выражение *промотать деньги* кажется сейчас более естественным, чем *мотать деньги*).

Приставка *про-* в этом значении продуктивна. Так, по-видимому, можно *прокурить зарплату*, а если представить себе общество, в котором воздух продается, то, наверное, для него станет возможно употребление словосочетания *продышать зарплату*. В этом смысле не было бы ничего удивительного даже в таком изысканном сочетании, как *прохохотать деньги*, если бы за право хохотать пришлось бы платить. Все дело в том, что автор, конечно, не имел это в виду, а точнее говоря, имел в виду совсем не это. Если исходить из текста песни, напрашивается иное, «авторское» значение бесприставочного глагола: 'весело пожить'. Иначе говоря, в тексте происходит перенос значения (скорее всего — метонимический), глагол *хохотать* окказионально переосмысливается и встраивается в соответствующую семантическую модель

приставки. Здесь также имеет место аналогия, однако более сложная, осуществляемая в несколько шагов. Во-первых, речь идет об аналогии с целым рядом глаголов, причем при сравнении вычленяются их общие свойства (строится словообразовательная модель). Во-вторых, происходит переосмысление глагольной основы, перенос или просто подгонка ее под соответствующие свойства, диктуемые рядом приставочных глаголов. Таким образом, фактически именно приставка навязывает переосмысление, заставляет переработать смысл основы в соответствии с данным образцом.

Другой пример также взят из поэтического текста. Это строки Д. Самойлова, в которых автор (или лирический герой) обращается к Творцу с просьбой:

*Дай выстрадать стихотворенье!
Дай вышагать его! Потом,
Как потрясенное растение,
Я буду шелестеть листом.*

Здесь снова два приставочных глагола, причем оба с приставкой *вы-*: *выстрадать* и *вышагать*. Первый из них совершенно нормален и, конечно же, присутствует в словарях, например в СРЯ у него отмечено два значения: 'пережить много страданий' и 'достичь, получить страданиями'. Второй же, напротив, кажется довольно странным (в отличие от вполне нормального вторичного имперфектива *вышагивать*: *Иван Иванович важно вышагивал по кабинету*) и без контекста малопонятен. Тем не менее, и он отмечен в СРЯ в значении 'пройти какое-либо расстояние мерными шагами'. Впрочем, совершенно очевидно, что Д. Самойловым он употреблен не в этом значении, и стихотворение здесь не интерпретируется как расстояние (хотя в принципе такая метафора возможна).

Как и в первом случае, понимание текста не представляет проблем для носителя русского языка. Просьба в целом кажется достаточно понятной, хотя и несколько необычной. Процедура анализа этой фразы состоит из нескольких шагов: чтобы понять приставочный глагол *вышагать*, следует сначала проанализировать *выстрадать*. Именно его семантическое устройство становится подсказкой для понимания *вышагать*.

Хотя первое впечатление, возможно, и состоит в том, что мы имеем дело с обычным употреблением глагола *выстрадать* в упомянутом выше значении 'достичь, получить страданиями', в действительности дело обстоит несколько иначе. Для современного языка характерны прежде всего такие употребления этого глагола, как *выстрадать счастье, любовь, право на что-либо*. Более точное толкование этих словосочетаний заключается не в том, что некто 'получил или достиг страданиями счастье / счастья или любовь / любви', а скорее 'интенсивными страданиями заслужил (право на) счастье или любовь'. Субъект действия *выстрадать* не является, по существу, ни непосред-

ственным адресатом (получателем, «достигателем»), ни тем более создателем объекта действия. Этим данный глагол и отличается от таких глаголов с приставкой *вы-*, как, например, *высидеть* или *вымучить*: *высидеть статью*, *вымучить диссертацию*. В случае *высидеть* или *вымучить* субъект создает нечто (в частном случае — текст) как бы с помощью соответствующих действий (длящихся долго). Именно из неестественности такого рода творческой деятельности и возникает вполне ощутимая для этих глаголов отрицательная оценка субъекта и самого действия. Идея создания чего-либо с помощью соответствующего действия выражена еще нагляднее в другом («прямом») значении глагола *высидеть* (уже без всякой отрицательной оценки): *Курица высидела цыплят*.

В цитируемом стихотворении глагол *выстрадать* употреблен с определенными нарушением обычной сочетаемости, что сближает его с глаголами создания типа *высидеть* или *вымучить* (причем заведомо без отрицательной оценки). Можно сказать, что хотя бы гипотетически между собой конкурируют два варианта *выстрадать*: обычный с необычной сочетаемостью и, наоборот, необычный с обычной для него (если бы он существовал) сочетаемостью.

Решить, какой из двух *выстрадать* представлен в цитируемом стихотворении, оказывается не так просто. С одной стороны, сочинение стихотворения естественно рассматривать как творческий акт. С другой стороны, «нормальное» *выстрадать* не подразумевает создания чего-либо, да и сама просьба о создании стихотворения (как будто кто-то мешает) выглядит менее убедительной и даже красивой, чем просьба о возможности заслужить на него право (ср. явную неуместность просьбы типа **Дай высидеть статью*). Впрочем, для окончательного вывода этих соображений явно недостаточно. Тем более, что вполне допустимо сознательное или бессознательное наложение (совмещение) двух этих моделей и при порождении, и при восприятии этих строк.

Анализ второго глагола с приставкой *вы-* (*вышагать*) во многом дублирует, а точнее, опирается на анализ *выстрадать*. С той только разницей, что словарная статья *вышагать* ('пройти какое-либо расстояние мерными шагами') никакого отношения к данному словупотреблению вообще не имеет. Таким образом, рассматриваемое употребление является явно окказиональным, а его интерпретация проясняется в отличие от предыдущих примеров не путем обращения к словарю и поиска в нем похожих приставочных глаголов, а с помощью контекстной аналогии, т. е. аналогии с глаголом *выстрадать*, непосредственно использованным в предтексте и проинтерпретированным в нем. Иначе говоря, *вышагать стихотворение* может означать как нечто вроде 'создать стихотворение с помощью длительного шагания', так и нечто вроде 'мучительным (интенсивным) шаганием заслужить право на стихотворение'. И снова вполне вероятно, что это «авторское» *вышагать* означает и то, и другое одновременно. В лю-

бом случае этот глагол оказывается весьма емким вместилищем авторской идеи или образа, заключая в себе много всякого, в том числе — понимание шагания как творческого акта; отсюда по крайней мере вытекает тот факт, что поэт так сочинял стихи.

Сама по себе связь движения и ментальной деятельности (и соответствующая метафора) хотя и интересна, но, безусловно, не нова. Достаточно вспомнить строки О. Мандельштама: ... и Гамлет, мысливший пугливыми шагами... Пожалуй, более примечателен тот факт, что русский язык позволяет, хотя бы и окказионально, выразить эту связь в рамках одного слова.

Впрочем, и сама окказиональность этого глагола требует отдельной оговорки. Кажется, что претендовать на включение в толковый словарь он никак не имеет права. Все-таки он порожден с определенными нарушениями, нестандартностями и т. п. Более того, его поэтическая сила и образность заключены во многом как раз в его «несловарности», в его несуществовании в стандартном литературном языке. Однако выясняется, что если не сам глагол, то данная словообразовательная модель в русском языке существует.

В «Литературном обозрении» (№ 1, 1997) опубликовано интервью с Сергеем Гандлевским по поводу получения им литературной премии Малый Букер. Журналистка А. Аскоченская, проводившая беседу, спрашивает:

— Как вы предпочитаете писать стихи, за столом, или вы их *выхаживаете*?

На что С. Гандлевский отвечает:

— *Выхаживаю. Как же можно за столом написать три стихотворения в год? За ним бы я написал 365.*

В отличие от примера с *вышагивать* глагол *выхаживать* употреблен как совершенно нормальный глагол русского языка. Это подчеркивается по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, глагол повторяется в вопросе и ответе, во всяком случае С. Гандлевский не попытался избежать его как слишком «образного». Во-вторых, используется вторичный имперфектив (не *выходить*, а *выхаживать*). Тем самым подразумевается, что этот глагол уже имеет в языке свою словообразовательную историю, да и значение вторичного имперфектива однозначно указывает на то, что имеется в виду не однократный творческий акт, а вполне устоявшийся творческий метод (правда, по словам поэта все же менее устоявшийся и продуктивный, чем «писание за столом»).

Таким образом, не вдаваясь в дискуссию об окказиональности приводимых в примерах глаголов, можно с уверенностью говорить о воспроизводимости соответствующих механизмов.

Еще один несуществующий глагол с приставкой *вы-* встречается в романе «Демобилизация» В. Корнилова: *Любовь надо вылюбить, а то свербить, сверлить, нить будет.* Как и в предыдущем случае, за

приставочным глаголом стоит достаточно сложный образ, по существу, целая развивающаяся во времени ситуация. Кажется, что и этот глагол можно понять только по аналогии. Однако естественно встает вопрос: по аналогии с чем?

Здесь затруднительно подобрать как ряд приставочных *вы-*глаголов, так и какой-то отдельный глагол, по аналогии с которым можно было бы интерпретировать *вылюбить*. По существу, эта фраза означает, что для того, чтобы окончательно и бесповоротно избавиться от любви, ее нужно испытать, прочувствовать как бы до самого конца. Любовь метафорически воспринимается как некоторая субстанция, которая в процессе ее «использования» постепенно исчезает.

Любопытно, что такое понимание любви противопоставлено (и даже противоречит) другой фразе и другому приставочному глаголу из этого же романа (относящимся, впрочем, к другому персонажу): *А так — переспала и избавилась*. В этом примере речь идет о другом лекарстве от любви — одноактном взаимном действии. Этот глагол-эвфемизм, уже, бесспорно, вошедший в русскую лексику (хотя он и не отмечен в словарях, в отличие от мотивирующего глагола *спать* в соответствующем значении: «СПАТЬ... З. с кем. Прост. Быть в половой связи с кем-л.», СРЯ), построен по совершенно конкретному образцу типа *переговорить с кем-то*. То же самое можно сказать и про близкий к нему по значению эвфемизм *перепихнуться* (ср. с глагольным рядом *переглянуться, перемигнуться, перекинуться парой слов* и т. д.), представляющий соответствующее действие как краткое, не слишком значительное событие (интересно отметить, что соответствующий табуированный глагол с приставкой *пере-* в этом значении не сочетается).

Несколько более неожиданна роль приставки *пере-* в другой истории, описанной Ю. Нагибиным в повести «Дафнис и Хлоя времен культа личности, волонтаризма и застоя»:

И тут я поступил самым неожиданным образом. Я кинулся к пишущей машинке и пулеметно отстучал на ней целую страницу. Затем прилег рядом с Дашей. Мы не целовались, не обнимались, даже не прикасались друг к другу. И не разговаривали. Просто лежали.

Мы перемолчали объяснение. Наверное, оба очень устали за минувшие почти два месяца разлуки.

На первый взгляд кажется, что глагол *перемолчать* также образован в точности по аналогии с конкретными глаголами, например, с *переждать, пересидеть* и т. д.: *пересидеть грозу в гостях*, — или, может быть, с *перетерпеть*: *перетерпеть боль*, — или даже с *пережить, перезимовать*:

Все мне были чужие. Кто здесь, на этой койке, не пролежал, как я, эти ночи, как я не спал, мучился, пережил эти часы, тот мне никто, тот мне чужой. Только тот мне брат, кто, как я, прошел эту каторгу. (Н. Берберова);

День пережит, и слава Богу. (Ф. Тютчев)

Однако как раз тот факт, что не вполне понятно, к какому из этих глаголов и глагольных рядов относится глагол *перемолчать* и каков статус *объяснения* (имеет ли оно все же место в описываемый период, или это некоторая абстракция, своего рода психологический барьер?), показателен. Можно провести лингвистический эксперимент, подставляя в текст вместо глагола *перемолчать* другие *пере-*глаголы, кандидаты на то, чтобы быть его прототипом, и наблюдая при этом, как меняется значение контекста.

Так, фраза *Мы пережили объяснение* означает, что объяснение произошло реально, было тяжелым, но тем не менее через него удалось пройти, сохранив нечто (жизнь, или чувство, или что-то другое) в целости. Фраза *Мы переждали объяснение* подразумевает, что ожидание и объяснение происходили в разных местах или, по крайней мере, что субъекты в нем не участвовали. *Мы перетерпели объяснение* кажется не вполне естественным, но также, по-видимому, подразумевает, что объяснение происходило реально (в СРЯ одно из значений глагола *перетерпеть* — 'Терпя, преодолеть': *перетерпеть жажду*). Весьма вероятно, что для глагола *перемолчать* существует семантическая аналогия и с употреблениями типа *хочется* — *перехочется* или *перехотеть* в значении 'хотеть слишком долго и поэтому перестать хотеть'.

В любом случае ясно, что речь идет о некоей новой сущности, порожденной по образцу не одного конкретного ряда, а нескольких рядов, и находящейся как бы между ними.

Еще более отчетливо это можно сказать о глаголе *вылюбить*. По существу, в нем совмещаются несколько идей, характерных для разных *вы-*глаголов. Это идея удаления и таким образом освобождения (что-то вроде метафорических *вычерпать* или *выплюнуть*) и, на первый взгляд, противоположная идея поглощения или потребления (что-то вроде метафорического *выпить*). «Потребление» любви как раз и приводит (в рамках данной метафоры) к освобождению от нее. Можно подобрать более или менее близкие и похожие глаголы (например, *вылюбить любовь* как *выплакать горе*, или как *вода выкипела*), однако точной и одновременно единственной аналогии найти не удастся, слишком уж далеки по смыслу мотивирующие основы. И хотя и здесь можно попытаться объяснить все с помощью универсального понятия метафоризации, но уж слишком глубокой и неявной оказывается такая метафора, чтобы использовать ее в качестве инструмента лингвистического описания.

Смысловая нагрузка приставки в этом случае особенно велика, поскольку семантические механизмы, обеспечивающие понимание фразы, почти не опираются на значение глагола *любить*. В отличие, например, от *отбатрачить*, где *батрачить* сам подсказывает сферу поиска: искать аналогию следует где-то рядом, среди приставочных глаголов, мотивированных семантически сходными основами. Впрочем, и среди вышеприведенных примеров были такие, где приставка фак-

тически переосмысляла соответствующие глагольные основы (как в случае с *прохихотать*). Таким образом, приставка активно взаимодействует с основой, иногда навязывая основе не свойственные той семантические признаки.

Взаимодействие приставки с основой, как видно даже из рассмотренных примеров, происходит очень по-разному. Иногда действует простая аналогия, т. е. взаимодействие строится по образцу уже существующего глагола или ряда глаголов с данной приставкой и близкими по значению основами (само понятие близости, конечно, условно; речь идет лишь о совпадении каких-то важных именно для этого значения приставки семантических признаков). Иногда при наличии некоторой аналогии приходится тем не менее переосмыслять глагольную основу, подгоняя ее к готовым образцам, т. е. фактически приписывая ей семантические признаки, которых у нее нет. Иногда приходится констатировать отсутствие прямой аналогии или отсутствие единственной аналогии. Новый глагол (и, соответственно, тип взаимодействия приставки и основы) одновременно похож на разные модели и при этом в точности не совпадает ни с одной из них. Он реализует некоторую достаточно общую идею, присущую очень разным и непохожим глаголам с данной приставкой и таким образом присущую и самой приставке, но делает это в специфических контекстных условиях (если под контекстом понимать и глагольную основу, и более широкий контекст, и, возможно, также ситуацию).

В наиболее чистом виде семантическое действие приставки видно, когда она присоединяется к несуществующей основе, поскольку несуществующая основа никаких путей поиска аналогии указать не может.

1.2. О корнях, которых нет

Примеров сочетания приставки с несуществующими вообще или несуществующими на синхронном уровне основами огромное количество. Причем некоторые из такого рода приставочных глаголов окказиональны и существуют (отмечены) в единственном и никогда более не повторившемся употреблении, некоторые повторяются часто и даже с полным правом включаются в словари (обычно с пометой «разг.»).

Что касается мотивирующей основы, то ее несуществование достаточно относительно. Иногда она даже существует самостоятельно где-то на языковой периферии (в диалекте или жаргоне), что не обязательно осознается носителями литературного языка. Иногда она существовала ранее, но потом исчезла из языка. Бывает, впрочем, и наоборот, когда основа начинает употребляться самостоятельно позже приставочного глагола. Но это — диахронический взгляд на данное языковое явление, к которому небезынтересно еще будет вернуться, а в начале все же имеет смысл рассмотреть явление синхронно в наиболее чистом виде (т. е. когда основы действительно не существует).

Максим Анисимович Кронгауз

**ПРИСТАВКИ И ГЛАГОЛЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА**

Издатель А. Кошелев

Корректор Е. Г. Вагина
Оригинал-макет подготовлен А. С. Касьяном

Подписано в печать 07.02.98. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Школьная.
Усл. п. л. 23,22. Заказ № 3209 Тираж 1000.

Издательство Школа «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071105 от 02.12.94.
Тел. 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
Адрес каталога в ИНТЕРНЕТ: <http://users.goldnet.ru/iplrc>
E-mail: mik@sch-Lrc.msk.ru

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН.
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 17 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order the above titles
by E-mail: Lrc@koshelev.msk.su
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).